Вопросы Истории N8/1973

ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Статья А. Г. Кузьмина о методологии изучения русских летописей, недавно опубликованная в «Вопросах истории», вероятно, может произвести впечатление научной сенсации. Причину этого указал сам автор, заметивший, что «переоценка ценностей, ниспровержение традиций привлекают внимание широкой аудитории, лишенной возможности достаточно критически следить за аргументацией, на основании которой делаются научные выводы» [1].

Действительно, за последнее время резко возрос интерес к древнерусской истории и литературе. Вопросы, прежде интересовавшие немногочисленных специалистов, стали предметом внимания многих любителей истории. Привлечет к себе внимание и статья А. Г. Кузьмина. Статья обширна по объему, сопровождается многочисленными ссылками, да и основные ее выводы могут показаться неспециалистам резонными.

Признавая, что «сравнительно текстологический» метод и «кропотливое сличение летописных (и внелетописных) текстов» необходимы при анализе летописей (стр. 53), А. Г. Кузьмин вместе с тем настаивает на том, что такой путь исследования «должен быть дополнен историческим осмыслением текста летописи» (стр. 47). Автор отвергает «настойчивое и порою непонятное возражение со стороны некоторых филологов» (стр. 47), убежденных, что «филологическое (именно формально-филологическое) изучение летописи должно предшествовать историческому» (стр. 43). «Как и при работе с другими источниками, форма и содержание в летописеведении не могут отрываться друг от друга без серьезного ущерба и для того и для другого»,— пишет А. Г. Кузьмин (стр. 44), и читатель, вероятно, согласится с ним. Если «филологи», о которых идет речь, отрывают форму от содержания и считают основой исторического исследования формальное «летописеведение» (этим неблагозвучным словом стали в последнее время обозначать изучение летописей), то они поступают неправильно и неразумно.

Статья А. Г. Кузьмина может привлечь и тех, кого интересует «ниспровержение традиций». Одна традиция, во всяком случае, подверглась в его статье решительному ниспровержению — это традиция известного русского филолога А. А. Шахматова. Соглашаясь признать «исключительные заслуги А. А. Шахматова в области изучения летописей» (стр. 35), А. Г. Кузьмин далее переходит к суровой и тотальной критике его построений. Ближайшее знакомство с работами А. А. Шахматова, объясняет он, показывает, что его схема истории летописания «далеко не логична, поскольку в последние годы пересмотру подвергались не только звенья, а и самые принципы ее создания» (стр. 42). «...К шахматовскому пониманию летописной работы логично было бы применить ходячее словечко «механический»» (стр. 43). Для А. А. Шахматова, как и для его последователей, характерны «формальный подход к летописям как к оторванным от жизни литературным сочинениям» (стр. 50), «несоответствие характера источника способам его изучения» (стр. 49), «невнимание к первичным элементам сводов» (стр. 51). Да и метод А. А. Шахматова неоригинален: «воскрешая задачи А. Шлецера и отчасти его методы, А. А. Шахматов невольно возвращался к трактовке всего летописания как одного древа...» (стр. 49). К тому времени, когда А. А. Шахматов начал свою работу, пишет А. Г. Кузьмин, «более широкий «сравнительно-исторический» метод господствовал в русской исторической науке»; критики А. А. Шахматова указывали поэтому, что его «приемы были давно известны» и он не дал «ничего принципиально нового» (стр. 40). Не было оригинальным и сравнительное изучение летописных текстов, а А. А. Шахматов зря упрекал своего предшественника И. А. Тихомирова за отказ от такого изучения. «Сличение

[1] А. Г. Кузьмин. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей. «Вопросы истории», 1973, № 2, стр. 32 (далее ссылки на статью — в тексте).

текстов проводилось в
тужевского направлени
обычно рассматривалас
подлежащая публикаци
чае И. А. Тихомиров
значения установленны
зости отдельных сводо
сическими представител
текстологического мето
филологии начала XX
Истрин и С. А. Бугосла
Шахматов» (стр. 44—45
лишь ухудшил этот
«конъектуральной крити
ниченных размерах» [2]

Можно было бы привл
подобных высказываний
и этих цитат достаточно
перед нами именно «пере
и очень решительная. Са
может, конечно, вызват
оценка научного наслед
ков, даже самых выдаю
право любого автора. Но
требует, во всяком случа
ного принципа: критик д
и убедительное опроверж
метода. Этого мы и не
А. Г. Кузьмина, как и
по содержанию сочинения

В чем сущность того
науку о летописях А. А
исследователи XIX в. (П
Бестужев-Рюмин и предс
стужевского» направлени
рого защищает А. Г. Ку
что летописи были «свод
разнородного материала.
делали они из этой верн
знав летопись сводом, он
части, предположительно

[2] А. Г. Кузьмин уже не
рекает А. А. Шахматова
ную критику», но смысл
его изложении остается
применял этот термин, на
товской гипотезе о «П
XIV в.: «Это конъектурал
ученого не опиралось на
фундамент» (А. Г. Куз
летописи как источник по
Руси. Рязань. 1969, стр. 43
потеза А. А. Шахматова о
чала XIV в. действител
признания в науке, но э
ральное соображение» (т
ние о перестановке или
памятника), а результат
стологического исследова
ской, Ипатьевской и Нов
писей.

текстов проводилось всеми авторами бестужевского направления, но эта работа обычно рассматривалась как черновая, не подлежащая публикации. И в данном случае И. А. Тихомиров не придал особого значения установленным им фактам близости отдельных сводов» (стр. 40). «Классическими представителями сравнительно-текстологического метода в отечественной филологии начала XX в. являются В. М. Истрин и С. А. Бугославский, а не А. А. Шахматов» (стр. 44—45); А. А. Шахматов лишь ухудшил этот метод, прибегая к «конъектуральной критике в почти неограниченных размерах» [2] (стр. 46).

Можно было бы привлечь еще множество подобных высказываний А. Г. Кузьмина, но и этих цитат достаточно, чтобы понять, что перед нами именно «переоценка ценностей», и очень решительная. Само по себе это не может, конечно, вызвать протеста. Переоценка научного наследия предшественников, даже самых выдающихся,— законное право любого автора. Но такая переоценка требует, во всяком случае, соблюдения одного принципа: критик должен дать разбор и убедительное опровержение критикуемого метода. Этого мы и не находим в статье А. Г. Кузьмина, как и в других сходных по содержанию сочинениях того же автора.

В чем сущность того нового, что внес в науку о летописях А. А. Шахматов? Уже исследователи XIX в. (П. М. Строев, К. Н. Бестужев-Рюмин и представители того «бестужевского» направления, принципы которого защищает А. Г. Кузьмин) заметили, что летописи были «сводами», сборниками разнородного материала. Но какой вывод делали они из этой верной посылки? Признав летопись сводом, они разлагали ее на части, предположительно выделяя из нее отдельные сказания и повести. Такой путь считает естественным и А. Г. Кузьмин. Соглашаясь, что оценка памятников должна строиться на анализе их в целом, он добавляет: «Но если, например, «анализ памятника в целом» привел нас к выводу, что это свод, то и изучать его нужно как сочинение, составленное из разных источников» (стр. 51). Как же определить характер этих «разных источников»? Предшественники А. А. Шахматова решали этот вопрос довольно просто: они ориентировались на тему и географическое приурочение известия и рассказа. Встретив в том или ином своде известие, связанное с Ростовом или Рязанью, исследователь приходил к выводу, что перед ним «сказание», составленное в соответствующем месте, обнаружив известие о каком-либо князе, догадывался, что перед ним — фрагменты летописца этого князя. Так же рассуждает и А. Г. Кузьмин [3]. Но такое определение происхождения известий — простая догадка: о Ростове или Рязани мог писать и летописец другой земли, а об одном князе — летописец другого князя. А. А. Шахматов противопоставил этому пути догадок другой, более трудный, но несравненно более результативный путь. Он исходил из того, что источниками летописных сводов были чаще всего другие своды; метод, предложенный им, заключался в сплошном сравнении между собой всех летописей, содержащих сходные тексты. Установив, что две или несколько летописей сходны между собой на значительном протяжении, а далее расходятся, исследователь может с достаточной уверенностью заключить, что они восходят к общему источнику — своду-протографу. Идя таким путем, А. А. Шахматов восстановил широкую картину русского летописания, включая не только дошедшие до нас тексты XIV—XVI вв., но и их предшественники—своды XIV, XIII, XII и даже XI веков.

Излагая методологию (вернее, методику) А. А. Шахматова и его последователей, А. Г. Кузьмин делает ряд принципиально важных ошибок.

Первая из них заключается в том, что, пытаясь охарактеризовать методику А. А. Шахматова, А. Г. Кузьмин игнорирует результаты применения этой методики. А они грандиозны и открыли для исторической науки целый пласт неизвестных ранее источников. Никак нельзя согласиться с утвер-

---

[2] А. Г. Кузьмин уже не в первый раз упрекает А. А. Шахматова за «конъектуральную критику», но смысл этого термина в его изложении остается непонятным. Он применял этот термин, например, к шахматовской гипотезе о «Полихроне» начала XIV в.: «Это конъектуральное соображение ученого не опиралось на текстологический фундамент» (А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань. 1969, стр. 43; ср. стр. 48). Гипотеза А. А. Шахматова о «Полихроне» начала XIV в. действительно не получила признания в науке, но это не «конъектуральное соображение» (то есть предложение о перестановке или изменении текста памятника), а результат сравнительно-текстологического исследования Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописей.

[3] Ср. А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М. 1965.

ждением А. Г. Кузьмина, будто исследователь XIX в. И. А. Тихомиров, как и А. А. Шахматов, производил предварительное сличение изученных им текстов, но скромно оставил эту работу в черновиках, не придавая ей значения. Если бы И. А. Тихомиров сличил Лаврентьевскую летопись с параллельными ей Радзивилловской, Московско-Академической или другими летописями, то он не ограничился бы расплывчатым выводом, что в Лаврентьевской отразились известия, составленные «сначала по преимуществу во Владимире.., а потом в Ростове, Суздале и Твери; есть также ряд известий костромских и ярославских, переяславских и рязанских...»[4]. Сличение Лаврентьевской с другими летописями произвел А. А. Шахматов, и оно позволило ему прийти к важнейшему по значению выводу, принятому всеми последующими авторами: общий источник Лаврентьевской и других параллельных ей летописей—владимирский свод, сохранившийся в редакции конца XII в. в Лаврентьевской, а в редакции начала XIII в.— в Радзивилловской и сходных с нею летописях[5].

А. Г. Кузьмин утверждает, что «если бы А. А. Шахматов ограничился такими случаями, когда «два различных летописных свода на протяжении ряда лет совпадают между собой, а потом расходятся», то о создании генеалогического древа сводов ему не пришлось бы и думать: при анализе сводов XV—XVI вв. ему не удалось бы выйти за пределы XV века» (стр. 46). Это совершенно неверно. Новгородская летопись младшего извода — летопись XV в.; сравнение ее с «Повестью временных лет» в списках XIV—XVI вв. позволило А. А. Шахматову открыть Начальный свод конца XI века Радзивилловская летопись дошла до нас в списке XV в.; Московско-Академическая летопись — свод начала XV в., дошедший в рукописи конца XV в.; сопоставление их с Лаврентьевской летописью XIV в. обнаружило уже упомянутые своды XII—XIII веков. М. Н. Тихомиров открыл Владимирский летописец XVI в.; сравнение этого памятника с другими летописями позволяет восстановить не только Троицкую летопись начала XV в., но и общерусский свод 1305 года. Как же можно утверждать, что протографы летописей XV—XVI вв. «застревают где-то в XV веке» (стр. 47)?

Методика А. А. Шахматова привела к открытию ряда новых летописных текстов. Общеизвестно, что А. А. Шахматов путем анализа одной из летописей XVI в. (так называемой Ростовской, или Архивской летописи) и сравнения ее с другими пришел к выводу, что в основе этой летописи должен был лежать великокняжеский свод конца XV в. и Новгородская летопись начала XVI в., а затем обе эти летописи (Московский свод и Новгородская летопись Дубровского) были найдены. А. А. Шахматов, опираясь на свою беспредельную эрудицию в летописных текстах, открыл в наших собраниях десятки летописей — Ермолинскую, Никаноровскую, Симеоновскую, Вологодско-Пермскую, Эрмитажный список Московского свода и многие другие. Методика А. А. Шахматова установила бесспорные соотношения летописных текстов между собой[6], дала возможность произвести классификацию летописей для их издания. На основании выводов А. А Шахматова удалось создать образцовые издания летописей (кроме летописей, открытых самим А. А. Шахматовым, также издания Ипатьевской, Новгородских IV и V, Типографской и других летописей) Методика А. А. Шахматова привела к аналогичным выдающимся открытиям и превосходным изданиям летописей его последователями М. Д. Приселковым и А. Н. Насоновым.

Оценивая методику изучения летописей, нельзя обходить конкретные результаты применения этой методики.

Вторая ошибка А. Г. Кузьмина заключается в том, что он вместо методики изучения летописания привлекает высказывания тех или иных исследователей об этой методике. Если судить по высказываниям самого исследователя и игнорировать достигну-

[4] И. А. Тихомиров. О Лаврентьевской летописи. ЖМНП, 1884, ч. CCXXV, № 10, отд. 2, стр. 240.

[5] А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПБ. 1899, стр. 3—8; его же. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI веков. М.-Л. 1938, стр. 15—18, 21, 51—55.

[6] Утверждая, что схема А. А. Шахматова «не логична», ибо «пересмотру подвергались не только звенья, но и самые принципы ее создания», А. Г Кузьмин ссылается на гипотезы А. А. Шахматова о «Полихронах» начала XIV и начала XV вв. (стр. 42—43). Но в том-то и значение схем А. А. Шахматова, что даже если заменить в них гипотетические «Полихроны» другими звеньями, то зависимость от общих протографов тех реальных летописей, которые А. А. Шахматов возводил к обоим «Полихронам», останется бесспорной; такая зависимость доказывается совпадением значительных частей этих летописей. Меняются определения протографов, а не текстологические соотношения.

тые результаты, то ученый масштаба А. А. Шахматова окажется на одной доске с людьми, практически ничего не сделавшими для изучения летописания. А. Г. Кузьмин заявляет, например, что М. О. Коялович «явился как бы предтечей «шахматовского» периода в изучении летописей» (стр. 39); такая же роль отводится П. Казанскому (стр. 47). Это ошибка, вызванная использованием случайных высказываний. В результате у читателя при ознакомлении со статьей А. Г. Кузьмина постепенно возникает странное ощущение: будто речь в ней идет не о науке, имеющей сложный путь развития и достижений, которыми мы вправе гордиться, а о каком-то давнем, очень провинциальном и скучном споре по формулировочным вопросам, длящемся без особых результатов от Татищева до наших дней. А между тем методика А. А. Шахматова строилась на основе достижений всей русской и мировой филологической науки и исторического источниковедения (ближайшими предшественниками ученого были К. Н. Бестужев-Рюмин, М. И. Сухомлинов и И. И. Срезневский). Восприняв многовековой опыт текстологии, А. А. Шахматов во многом его переработал и изменил. А. Г. Кузьмин обильно приводит высказывания одних исследователей летописания по поводу других (и чаще всего — о Шахматове). Между тем, рассматривая методику исследования летописей, необходимо, конечно же, обращаться к самой этой методике [7]. Высказывания могут только подкреплять выводы, добытые из рассмотрения самой методики. Следует помнить, например, что А. А. Шахматов не любил писать и не писал общих статей по вопросам методологии изучения русских летописей. Он работал и очень редко поучал других исследователей, разве только выступая с рецензиями на их работы. Тесная зависимость методики А. А. Шахматова от материала его исследований позволяла ему приходить к объективным выводам и постепенно создать объективную методику текстологических исследований. Он не умствовал по поводу своей методики, а создавал ее в практической работе над текстами.

Третья ошибка А. Г. Кузьмина заключается в том, что он изолирует методы изучения летописания от методов изучения других исторических источников и литературных текстов, от методов филологии и текстологии, развивавшихся в России и за рубежом. Методика изучения летописания не была изолированной областью. До А. А. Шахматова в русской текстологии господствовала методика К. Лахманна. А. А. Шахматов практически показал несостоятельность этой методики, пользовавшейся непререкаемым авторитетом в его время. Новые принципы А. А. Шахматова сыграли выдающуюся роль в изучении не только летописания, но хронографии и других крупных сводных текстов, а затем воздействовали на текстологическую методику у нас и за рубежом.

Если нельзя отрывать историю летописания от истории других письменных источников (и это как раз признавал А. А. Шахматов), то тем более нельзя отрывать изучение летописания от развития текстологии, филологии и исторического источниковедения. А. А. Шахматов был историком русской народности («русского племени»), историком русского языка, и он же положил исторический принцип в основу текстологии. А. А. Шахматов отказался от формальной, механической классификации текстов, привлекаемых сторонниками лахманновской «критики текста» для филологических изданий. Он первым стал изучать историю текста, намного опередив в этом историческом принципе всех крупнейших текстологов своего времени. Этим он внес переворот в текстологию, который не до конца еще воспринят в мировой текстологической практике.

А. А. Шахматов создал прогрессивный переворот в текстологии, разрушив формально-механические принципы, существовавшие до него у последователей К. Лахманна. С. А. Бугославский критиковал А. А. Шахматова с чисто лахманновских позиций — позиций механической текстологии, усвоенных им от своего учителя В. Н. Перетца. И напрасно А. Г. Кузьмин характеризует С. А. Бугославского как «весьма вдумчивого текстолога» (стр. 45).

Принцип *примата* сознательных изменений текста над бессознательным был крупнейшим завоеванием шахматовской

---

[7] Попытка такого рода анализа сделана в основной работе Д. С. Лихачева, посвященной А. А. Шахматову как исследователю летописания: «А. А. Шахматов как исследователь русского летописания» («А. А. Шахматов. 1864—1920». Сборник статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.-Л. 1947, стр. 253—293). Эта работа Д. С. Лихачева осталась, по-видимому, неизвестной А. Г. Кузьмину, так как взгляды Д. С. Лихачева на А. А. Шахматова цитируются А. Г. Кузьминым по книгам Д. С. Лихачева, где только излагаются выводы этой основной работы: «Русские летописи» (М.-Л. 1947) и «Текстология. На материале древней русской литературы» (М.-Л. 1962).

текстологии, усвоенным советской наукой [8]. Значение А. А. Шахматова как текстолога заключается в том, что он создал текстологию, тесно связанную с историей и с анализом смысла текста,— создал национальную школу в текстологии. Не учитывать этой роли А. А. Шахматова в русской, советской и мировой науке — значит обеднять нашу отечественную науку, лишать ее крупнейших достижений.

С неверным, на наш взгляд, пониманием роли А. А. Шахматова в развитии текстологической науки связано и представление А. Г. Кузьмина о «механическом», «формальном» подходе к летописям, якобы свойственном этому ученому. В действительности А. А. Шахматов никогда не считал, что «списки» и «редакции» сами порождали другие «списки» и «редакции» и так двигалось летописание (стр. 46). А. А. Шахматов был ученым, конкретно мыслившим. Согласно его представлениям, летописные своды писали не летописные своды же, а летописцы, работавшие в тех или иных центрах летописания и проводившие идеи этих центров. Летописцы соединяли разные источники — летописные и нелетописные, сокращали, распространяли или перерабатывали тексты. За всем ходом развития летописания стояли живые люди.

Утверждая (неизвестно, на каком основании), что для А. А. Шахматова и его последователей все летописание сводилось к «единственной традиции» [9], А. Г. Кузьмин противопоставляет ему Н. К. Никольского, который привлекал «для объяснения некоторых летописных сюжетов широкий круг памятников западнославянской письменности» (стр. 53). Но как можно утверждать подобное, когда известно, что А. А. Шахматов, помимо исследования данных всех многочисленных списков «Повести временных лет», привлекал показания «Памяти и похвалы Владимиру» мниха Иакова, сказаний о Борисе и Глебе (Нестерово чтение о Борисе и Глебе, службы им же, данные Паримийника и др.), жития княгини Ольги, князя Владимира, поучения Феодосия Печерского, истории Длугоша, Синопсиса, произведений Илариона, Киево-Печерского патерика, русского былевого эпоса, византийских писателей (Константина Багрянородного, Льва Диакона, Малалы, Амартола), Плигинского сборника, отдельных статей Пролога, Русской Правды, Толковой Палеи, Хронографа по Великому изложению, жития Василия Нового и многих других внелетописных источников.

А. А. Шахматов не ограничился в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» только текстологическими наблюдениями. Он дал блестящий анализ исторической достоверности различных летописных и внелетописных сведений, дал тонкую характеристику политических идей, отразившихся в летописных сводах, бросил новый свет на всю русскую историю IX—начала XII века. Так, глава XIV «Разысканий» — «Мстиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича» — дала новый, чрезвычайно ценный материал для суждения о дофеодальных междукняжеских отношениях Киевской Руси. Глава V — «Летописное сказание о Владимире и его крещении» — по-новому осветила вопрос о крещении Владимира и т. д.

Каждый из определенных А. А. Шахматовым древнейших сводов получил яркую характеристику в свете политической борьбы своего времени, причем эта политическая борьба всегда имела у него свежую и оригинальную трактовку [10].

Так, состав и тенденции Древнейшего свода 1039 г. А. А. Шахматов определял политическими идеями борьбы за национальную русскую церковь. Свод 1039 г., возникший по инициативе митрополичьей кафедры, основанной в Киеве в 1038 г., пропагандировал идею превосходства христианской Руси над языческой и прославлял деятельность Ярослава.

В печерских сводах 1073 г. и 1095 г. отразилось политическое направление Киево-Печерского монастыря, оппозиционного по отношению к княжеской власти. В своде 1073 г. А. А. Шахматов показывает отражение политических убеждений Никона Великого, дважды бежавшего в Тмутаракань от княжеского гнева. А. А. Шахматов вскрывает центральную идею свода 1039 г.: идею

---

[8] Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 360—389.

[9] Это утверждение, повторенное А. Г. Кузьминым несколько раз (стр. 49, 50, 53), по нашему мнению, необоснованно. А. А. Шахматов многократно указывал на существование обособленных летописных традиций (тверской, суздальско-нижегородской, ростовской и др.). Но более поздние своды, конечно, так или иначе отражают и сливают раннее летописание (иначе мы бы о нем не узнали).

[10] Непонятно, кстати, почему А. Г. Кузьмин утверждает, что даже сторонники А. А. Шахматова фактически полностью игнорируют его «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (стр. 46—47). Работа эта постоянно цитируется во всех трудах по истории летописания.

единства княжеского рода на основе старейшинства киевского князя среди братьев — русских князей.

В своде 1095 г. А. А. Шахматов раскрывает резкую критику социальной политики князей; показывает и внутреннюю подоплеку этой критики: вражду игумена Киево-Печерского монастыря Иоанна с князем Святополком Изяславичем. А. А. Шахматов анализирует политическую работу составителя Начального свода 1095 г., стремившегося согласовать противоречивые новгородские и киевские известия, разногласия в сведениях о крещении Владимира, о начале христианства на Руси, об организации церковной иерархии и др.

Таким образом, история текста «Повести временных лет» сопровождается у А. А. Шахматова глубоким историческим анализом, вскрывшим причины тех или иных изменений в летописи, рост политического самосознания летописцев. Она сопровождается и глубоким историко-литературным анализом памятников. Именно комплексность метода А. А. Шахматова, примененного им к изучению летописей, была отмечена как важнейшая его заслуга М. Н. Тихомировым, которого А. Г. Кузьмин считает своим учителем: «До Шахматова летописи изучались с исторической и историко-литературной точек зрения. Шахматов придал исследованию летописей комплексный характер, изучая их одинаково полно с лингвистической, историко-литературной и исторической точек зрения путем сличения текстов и глубокого всестороннего их анализа... Исторический подход к изучению летописей позволил Шахматову выявить политическое значение их в древней Руси, показать, что тексты летописей отражали политическую жизнь прошлых веков. Шахматовская периодизация истории русского летописания совпадает с периодизацией истории СССР, принятой в настоящее время» [11].

Можно соглашаться или не соглашаться с конкретными результатами шахматовского анализа, но никак нельзя утверждать, что А. А. Шахматов был представителем «механистического» и «формально-филологического» направления.

Чрезвычайно важной особенностью А. А. Шахматова было как раз обратное тому, что утверждает А. Г. Кузьмин. Он стремился как можно шире привлечь весь смежный письменный материал. Для А. А. Шахматова текст никогда не был замкнут в самом себе. Он изучал текст в составе сборников, в составе архивов, в составе всего движения литературы. За текстом он всегда стремился увидеть всю письменную культуру народа, «среду», как он ее называл.

Этот подход А. А. Шахматова оказал прогрессивное и очень плодотворное влияние на все историческое источниковедение и на литературоведение. Для примера укажем хотя бы на два тома замечательного труда Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы», в котором документы архивов изучаются как единое целое. Можно привести и другой пример — «Ханские ярлыки русским митрополитам» М. Д. Приселкова, где изучается как единое целое сборник митрополичих ханских ярлыков. Принцип А. А. Шахматова изучать письменные материалы в их целостных, исторически сложившихся комплексах успешно применяется историками древнерусской письменности. От А. А. Шахматова пошло и изучение письменной традиции того или иного района.

Положив в основу изучения летописания исторический принцип, А. А. Шахматов открыл дополнительный источник в летописях. Источник этот обнаружился в том, что летопись оказалась не только собранием сведений о прошлом, но и сама является памятником прошлого — памятником общественной и исторической мысли, памятником политической борьбы. Интерес представили для историков не только те или иные сведения в летописи, но и их тенденциозная интерпретация. Важными оказались не только сообщаемые факты, но и искажение этих фактов, иногда отсутствие сведений о факте, находившемся в источнике, которым пользовался летописец. Летописец выбросил какой-то текст, и для нас оказывается важным, почему он его выбросил, какая у него была при этом цель.

Поэтому считать А. А. Шахматова «обеднителем» наших исторических источников никак нельзя. Защищать источник от Шахматова—это напрасный труд, так как Шахматов заставлял источник раскрыться; он его тщательно препарировал для жизни, а не для того, чтобы его убить.

---

[11] «Памяти академика А. А. Шахматова». «Вестник» АН СССР, 1946, № 7, стр. 66. Заметим попутно, что А. Г. Кузьмин приписывает М. Н. Тихомирову мнение о том, что роль А. А. Шахматова в истории изучения летописей якобы преувеличена. Ссылка А. Г. Кузьмина (стр. 34) не позволяет обнаружить в работах М. Н. Тихомирова мнения, отличающегося от той высокой оценки роли А. А. Шахматова, которая только что была приведена в тексте нашей статьи.

Не подкрепляя своих утверждений доказательствами, А. Г. Кузьмин утверждает, что сравнительный анализ у А. А. Шахматова был только формальным и не сопровождался анализом содержания. Но это неверно. Сравнение было для А. А. Шахматова только первым этапом исследования летописи. Вторым этапом было объяснение установленных различий и сходств. Естественно, что не все данные сличения можно было объяснить. Многие из них могли вызываться чисто случайными причинами. Но А. А. Шахматов прежде всего искал в текстах целеустремленной деятельности человека и лишь тогда, когда такие следы не обнаруживались, объяснял изменения текста ошибками переписчиков, случайными утратами и т. д.[12]

Конечно, в своих объяснениях событий прошлого А. А. Шахматов был далек от исторического материализма и не пытался дать социальную характеристику летописных сводов. Это обстоятельство настойчиво подчеркивает А. Г. Кузьмин, обвиняя своих оппонентов в попытке «подвести» А. А. Шахматова «под марксизм» (стр. 34). Это не соответствует действительности. Насколько нам известно, никто никогда не объявлял А. А. Шахматова марксистом, напротив, в литературе отмечалось, что Шахматов «не видел классовых основ анализируемых им произведений»[13]. Но стихийный материализм Шахматова, это понимание (вынесенное из живой практики исследования), что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы», отмечался даже таким далеким от «формально-филологического» метода автором, как М. Н. Покровский[14].

Подчеркивание «слабых сторон» научного мировоззрения А. А. Шахматова занимает важное место в построении А. Г. Кузьмина — с А. А. Шахматова обвинение в немарксизме переносится им без всякого основания на М. Д. Приселкова[15], а М. Д. Приселков выступает в качестве провозвестника того «формально-филологического» направления, которое осуждает в своей статье автор. При этом все «летописеведы», как мы уже отмечали, делятся А. Г. Кузьминым на «филологов» и «историков», которым присущи не только разные методологические подходы к летописи, но и разные взгляды. «Филологи» — это по преимуществу скептики, считающие, что русское летописание возникло только в XI в., «историки», напротив, настроены более патриотично, относя начало летописания к X или даже IX веку. «Филологи» — формалисты, пренебрегающие содержанием летописей; «историки» же изучают летописи по содержанию, поверяя летописные данные «контекстом эпохи».

Ясно, что прежде, чем говорить о методах и методологии, надо условиться о терминологии. Ведь под методом можно понимать и приемы изучения и мировоззрение. Если разные методы присущи разным наукам, то как они относятся к марксистскому методу? Ответ А. Г. Кузьмина не может не показаться странным. «Путь от буржуазной исторической науки к марксистской проходит, разумеется, не через филологию и не через приемы анализа летописных текстов»,— разъясняет он (стр. 34).

Делить ученых на «филологов» и «историков», приписывать им не только разные научные взгляды, но и разное отношение к методологии — серьезная ошибка, которая вносит путаницу в понятие метода. Нам представляется, что филолог обязан быть историком. Точно так же историк обязан быть филологом в анализе своих источников. «Многие спорные вопросы, касающиеся прочтения летописных сказаний, будут решены лишь в том случае, если удастся установить, как обстояло дело в действительности»,— пишет А. Г. Кузьмин (стр. 44). Но откуда историк узнает эту «действительность»? Очевидно, что единственной эмпирической основой исторических знаний является источник (конечно, не только летописный источник)[16]; комплексная характеристика и критика источника не может по-

[12] Д. С. Лихачев. Шахматов — текстолог. «Известия» АН СССР, серия литературы и языка, 1964, № 1, стр. 482.

[13] Там же, стр. 486.

[14] М. Н. Покровский. Избранные произведения. Кн. 4. М. 1967, стр. 283.

[15] Это обвинение (стр. 34) совершенно недопустимо. Конечно, М. Д. Приселков был ученым, получившим историческое образование до революции, но он был советским ученым (умер в 1941 г.), и А. Г. Кузьмин имеет не больше права «отлучить» от марксизма его, чем, скажем, С. В. Бахрушина или М. Н. Тихомирова.

[16] Почему-то А. Г. Кузьмин полагает, что сторонники «шахматовского» направления признают одни лишь летописные источники, и настаивает на введении «внелетописного материала» (стр. 48. 53). Но именно М. Д Приселков предлагал проверить текст «Повести временных лет» за X в. с помощью внелетописных источников (М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. «Ученые записки» ЛГУ, серия исторических наук, вып. 8, 1941).

этому считаться чисто «ф
делом, как думает автор.
Никто и никогда не огра
ние летописания «сопоставл
(стр. 53), но без сопоста
нельзя вообще заниматься
летописания: не будет матер
но выяснить особенности те
тописи, если ее не сличить
можно даже просто определ
топись в рукописи, если не с
с другими текстами — печа
кописными? Но нельзя пред
изучение может ограничиться
ем. Добытый материал —
изучения. Изучение и должн
того, чтобы объяснить резул
Никакой другой подход прос
Как же предлагает изучат
А. Г. Кузьмин? Отрицая воз
нительно-текстологического
вести временных лет», автор
свободно разлагать ее на «р
ки» на основании самых об
ний. Настаивая на том, что
летописании «события второй
были описаны современникам
ним стоящими авторами», А
аргументирует этот ответст
вод тем, что обстоятельства
ка описаны «совершенно р
«рельефно описаны кумиры,
Владимиром после утвержде
а «видеть их можно было ли
988) г., когда они были р
уничтожены»[17]. Но с помо
гументов столь же легко
зать» существование летоп
начала X, IX или еще более
Разве не «реально» описаны
сещение апостолом Андреем
его наблюдения над особен
родских бань? Разве не «ре
ние кораблей на колесах, на
шел на Царьград в 907 г.,
ня, принесшего в 912 г. смер
ли современные погодные з
вестись в конце X в. (еще
Руси), то они могли вестис
нако все эти догадки соверш
тельны: у нас нет основани
людям Киевской Руси в спосо
но» и «рельефно» пересказать
ное предание.
Если протографы летописей
как утверждает А. Г. Кузьмин

[17] А. Г. Кузьмин. Нача
древнерусского летописания.
рефер. докт. дис., стр. 33.

этому считаться чисто «филологическим» делом, как думает автор.

Никто и никогда не ограничивал изучение летописания «сопоставлением текстов» (стр. 53), но без сопоставления текстов нельзя вообще заниматься исследованием летописания: не будет материала. Как можно выяснить особенности текста данной летописи, если ее не сличить с другими? Как можно даже просто определить, что за летопись в рукописи, если не сличить ее текст с другими текстами — печатными или рукописными? Но нельзя предполагать, будто изучение может ограничиться этим сличением. Добытый материал — только объект изучения. Изучение и должно начинаться с того, чтобы объяснить результаты сличения. Никакой другой подход просто невозможен.

Как же предлагает изучать летописи сам А. Г. Кузьмин? Отрицая возможность сравнительно-текстологического изучения «Повести временных лет», автор предпочитает свободно разлагать ее на «разные источники» на основании самых общих соображений. Настаивая на том, что в древнейшем летописании «события второй половины X в. были описаны современниками или близко к ним стоящими авторами», А. Г. Кузьмин аргументирует этот ответственнейший вывод тем, что обстоятельства гибели Ярополка описаны «совершенно реально» и что «рельефно описаны кумиры, поставленные Владимиром после утверждения в Киеве», а «видеть их можно было лишь до 986 (или 988) г., когда они были разрушены или уничтожены»[17]. Но с помощью таких аргументов столь же легко можно «доказать» существование летописных записей начала X, IX или еще более древних веков. Разве не «реально» описаны в летописи посещение апостолом Андреем Новгорода и его наблюдения над особенностями новгородских бань? Разве не «рельефно» описание кораблей на колесах, на которых Олег шел на Царьград в 907 г., или костей коня, принесшего в 912 г. смерть Олегу? Если современные погодные записи м о г л и вестись в конце X в. (еще до крещения Руси), то они м о г л и вестись и ранее. Однако все эти догадки совершенно не обязательны: у нас нет основания отказывать людям Киевской Руси в способности «реально» и «рельефно» пересказать устное народное предание.

Если протографы летописей XV—XVI вв., как утверждает А. Г. Кузьмин, «застревают где-то в XV веке», если методы текстологии формальны и оторваны от содержания текстов, если, наконец, единственным критерием достоверности летописного сообщения является его соответствие действительности, а представление о действительности реконструируется чаще всего по этому летописному сообщению, то основа защищаемых автором позиций может быть охарактеризована как априорность, стремление к произволу в потреблении летописных сведений. Эта основа особенно наглядно проявляется в выдвинутом А. Г. Кузьминым тезисе «презумпции невиновности» источника. «Ученый не может обязывать источник оправдываться»,— пишет А. Г. Кузьмин (стр. 33).

Но почему критика источника — это его «обвинение», против которого нужно оправдываться? Склонность рассуждать по методу «черное — белое», «плохое — хорошее» понуждает А. Г. Кузьмина видеть хулу в самых простых источниковедческих наблюдениях. Несколько лет тому назад Л. В. Черепнин обратил внимание на то, что летописные сведения в «Памяти и похвале Владимиру» мниха Иакова обрываются на 996 г., и сделал из этого вывод, что на соответствующем годе заканчивался древнейший киевский летописный свод. Возражая Л. В. Черепнину, Я. С. Лурье отметил, что «Память и похвала» не летописный, а житийный памятник, автор которого не обязан был давать сплошную хронологическую сетку[18]. А. Г. Кузьмин усмотрел в этом очернение «Памяти и похвалы». «Я. С. Лурье видит своеобразную ущербность «Памяти и похвалы Владимиру» в том, что это «не летопись», а житийный памятник...» — заключил он (стр. 51). При чем тут «ущербность»? Оценка типа и назначения источника, степени его достоверности составляет один из главных предметов исторического источниковедения, она неотделима от основной источниковедческой характеристики памятника.

А. Г. Кузьмин выделяет ученых, датирующих начало летописания временем не ранее XI в. (В. М. Истрин, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, И. П. Еремин), и ученых, отыскивающих следы современного летописания в X и даже в IX в. (Н. К. Никольский, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков) (стр. 33). На самом деле споры по этому вопросу (в тех случаях, когда они происходили) часто основывались на недоразуме-

[17] А. Г. К у з ь м и н. Начальные этапы древнерусского летописания. М. 1971. Автореферат. докт. дис., стр. 33.

[18] Я. С. Л у р ь е. Изучение русского летописания. Сб. «Вспомогательные дисциплины». Вып. 1. Л. 1968, стр. 29.

нии. Едва ли кто-либо отрицал возможность и даже вероятность существования исторических записей в X веке. А. А. Шахматов предполагал существование исторических записей в синодиках и церковных помянниках. Д. С. Лихачев относил к X в. «Речь философа» и к очень раннему периоду — «Сказание о первоначальном введении христианства на Руси». Но записи, сказания и жития первых русских святых, будучи историческими документами, не являются летописями. Речь у И. П. Еремина и Д. С. Лихачева идет не о появлении исторических сочинений в XI в., а только о появлении жанра летописей, основанного на систематических записях. Более того, одной из причин появления письменности на Руси, как неоднократно подчеркивал Д. С. Лихачев, была потребность в исторической письменной памяти, в записывании событий. Между тем М. Н. Тихомиров и другие исследователи не придавали значения самой форме исторических записей, считая каждый письменный исторический источник свидетельством о существовании летописания. Летопись не рассматривалась ими как особый жанр. Литературная сторона дела их попросту не интересовала. Но законы жанра диктуют характер записей, и если погодная хронологическая канва введена в ранние исторические записи летописцем XI в., вопрос об ее достоверности, естественно, не может не занимать исследователей.

А. Г. Кузьмин не только неверно излагает сущность спора о начале летописания. Странный и противоречивый характер имеет и сама «раскидка» исследователей на две группы, предложенная им. «Скептиками» в вопросе о начале летописания он объявляет «филологов», в эту же категорию у него попадает историк М. Д. Приселков, а в противоположную — филолог Н. К. Никольский, относивший начало летописания к раннему времени. Через несколько страниц в ту же «скептическую» группу включается, наряду с французским славистом А. Вайяном, также М. Х. Алешковский и заодно В. Л. Янин (стр. 47, прим. 79), хотя оба они — историки, а их высказывания касаются только времени создания «Повести временных лет», но не проблемы возникновения летописания в целом. С другой стороны, Л. В. Черепнин, относящий начало летописания к X в., вообще выпадает из классификации А. Г. Кузьмина, хотя он историк и мог бы, очевидно, подкрепить его классификацию (выпадает из нее и А. Н. Насонов, решительно отвергавший предположение М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова и Л. В. Черепнина о летописании X в.)[19].

В чем тут дело? Нельзя не отметить, что в состав «формально-филологического» и «скептического» направления А. Г. Кузьминым включены все его научные оппоненты[20]. При этом научный спор иногда принимает у А. Г. Кузьмина характер необоснованных обвинений. Приведя замечание Я. С. Лурье о необходимости учитывать источниковедческую базу самых общеизвестных исторических положений, А. Г. Кузьмин прибавляет к этой цитате утверждение, что «Я. С. Лурье указал на ненадежность сведений о подвиге Ивана Сусанина» (стр. 32). Это неверно: ни в названной Кузьминым статье, ни где-либо в другом месте Я. С. Лурье этого не утверждал. Столь же необоснованна попытка «подверстать» к той же цитате сомнения американского историка Кинана в подлинности переписки Грозного и Курбского (которую Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье издавали, рассматривая ее, естественно, как подлинный памятник XVI в.), споры о «Слове о полку Игореве», «татищевских известиях» и т. д. В. Л. Янину приписывается поддержка выдвинутого А. Мазоном тезиса о подложности «Слова о полку Игореве» со ссылкой на опубликованный в «Вопросах истории» отчет о дискуссии по работам А. А. Зимина. Однако отчет не дает оснований для такого заявления. Выступление В. Л. Янина на дискуссии опубликовано, оно содержит предположение о некотором поновлении денежной терминологии «Слова» в процессе его переписки в XIV веке[21].

---

[19] А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII в. М. 1969, стр. 13—21. А. Г. Кузьмин (стр. 50) положительно относится к А. Н. Насонову на том основании, что тот считал допустимым изучение вопроса о записях и сказаниях, предшествующих древнейшим летописям. Но существование таких записей предполагают и Д. С. Лихачев и другие «филологи».

[20] См., например: Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах. «История СССР», 1972, № 4; Д. С. Лихачев. Можно ли включать «Историю Российскую» В. Н. Татищева в историю русской литературы? «Русская литература», 1971, № 1; Я. С. Лурье. К изучению летописного жанра. «Труды Отдела древнерусской литературы». Т. XXVII. 1973.

[21] В. Л. Янин. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», Вып. 3. Л. 1970, раздел «Бела и мордка», стр. 167—169.

В связи с этим стоит обратить внимание на предложенное автором объяснение спора между А. А. Шахматовым и И. А. Тихомировым. По его мнению, А. А. Шахматов выступил в 1899 г. против И. А. Тихомирова за то, что тот критиковал его гипотезу о Начальном своде: «Отзыв А. А. Шахматова, пожалуй, излишне суров, что могло быть вызвано довольно резкой критикой И. А. Тихомировым его гипотезы, согласно которой Новгородская I летопись отразила «Начальный свод» конца XI века» (стр. 40). Всякому, кто представляет себе научный облик А. А. Шахматова, понятна неприемлемость такого объяснения [22], но А. Г. Кузьмину оно кажется вполне естественным.

М. Н. Тихомиров писал: «...Дальнейшее изучение русского летописания должно развиваться на основе методов, разработанных Шахматовым. Задача советской исторической науки — продолжить и углубить работы по изучению и изданию русских летописей, начатые Шахматовым» [23]. Разумеется, существует глубочайшая мировоззренческая разница между современной марксистской наукой о летописании и наукой, представленной в трудах А. А. Шахматова. Но эти труды принадлежат к тому золотому фонду научного наследия прошлого, освоение которого обогащает, а не обедняет систему современных научных представлений.

Заключая наши замечания по поводу статьи А. Г. Кузьмина, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что пересмотр принятых в науке схем истории летописания и методики изучения летописей представляется нам важным и нужным делом. Но в статье А. Г. Кузьмина подлинные вопросы методики «летописеведения» подменены воскрешением методов, которые стали анахронизмом уже в конце XIX века. В этом, по нашему мнению, состоят основные недостатки статьи А. Г. Кузьмина.

Академик Д. С. Лихачев,

член-корреспондент АН СССР

В. Л. Янин, Я. С. Лурье

[22] Напомним, кстати, что именно на основании отзыва А. А. Шахматова И. А. Тихомирову была присуждена Уваровская премия.

[23] Памяти академика А. А. Шахматова «Вестник» АН СССР», 1946, № 7, стр. 67.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Публикуя письмо академика Д. С. Лихачева, члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина и Я. С. Лурье, редакционная коллегия считает, что ряд научных проблем, поставленных как в статье А. Г. Кузьмина «Спорные вопросы методологии изучения русских летописей» («Вопросы истории», 1973, № 2), так и в данном письме, требует дальнейшего углубленного исследования.